

Рыбы молчат

Александра Можгина

Мама и папа покупают дочкам аквариум с рыбками. Серые гуппи кажутся девочкам скучными, и сестра рассказчицы приносит золотую рыбку. Хищница преследует и ест гуппи, рассказчица (Женя), чтобы не лишиться развлечения соглашается с сестрой (Леной), что рыбки просто играют. Позже решает, что, возможно, гуппи беззвучно просят их спасти, и отсаживает золотую рыбку в кружку с водой. Золотая рыбка ночью выпрыгивает из воды и гибнет, девочка чувствует себя виноватой в случившемся, заболевает.

Таков сюжет рассказа.

Экспозиция задаётся первым абзацем: семья (мама, папа, две сестры) и обещание купить аквариум.

Конфликт возникает, когда рыбки не соответствуют ожиданиям девочек: не так красивы, ведут себя пассивно — скучно наблюдать.

Дальше действие развивается: сестра рассказчицы (Лена) выпускает к невзрачным гуппи красивую золотую рыбку. Рыбка яркая, активно гоняет соседок по аквариуму — наблюдать становится веселее. Но героиня (Женя) подозревает, что золотая рыбка ест гуппи (хотя сестре говорит, что рыбки просто играют). Позже Жене представляется, что рыбы кричат, просят помочь им, но их никто не слышит. Рассказ приближается к кульминации: ночью девочка отсаживает золотую рыбку в кружку с водой. Утром обнаруживается, что золотая рыбка выпрыгнула из воды и погибла, девочка переживает и заболевает, мама обещает купить мирных и красивых мечехвостов. Конфликт разрешён, кажется, всё просто, обычный рассказ о школьницах.

Но в рассказе кроме внешнего конфликта есть внутренний. Его экспозиция — за рамками повествования, мы не знаем, в какой момент он возник. Он прорывается фрагментами и по резкости интонации контрастирует с внешним:

«— Мама, а у нас только эти рыбки будут? — поинтересовалась Лена.

— А что, вы недовольны? — спросила мама. И так она это спросила, что мы, конечно, сказали, что всем довольны».

Обостряется конфликт, когда внешне вроде бы ничего не происходит: девочка просто наблюдает за рыбками. Но именно в момент замиранья внешнего

действия в мыслях Жени возникает аналогия между гуппи и ею самой: она тоже не может позвать на помощь, хотя внутри неё всё кричит.

«На первый взгляд всё было по-прежнему» — это про аквариум, когда к гуппи запустили золотую рыбку, но это и про внутренний конфликт, который внешне не проявляется, но уже ощущается. Как? Для начала — в противопоставлении себя и рыб: «... рыбам было наплевать. Они плавали в стеклянном аквариуме и никак не реагировали на внешний мир», «Мне казалось, рыбы слишком глупы, чтобы играть». Вспомним, рассказ начинается с игры героини. Тогда всем весело, мир выглядит целым, рыбки и люди существуют в нём на равных. Когда героиня устанавливает дистанцию, оценивая интеллект рыб, их включённость в жизнь людей, это ощущается как физическая дистанция, словно героиня отодвинулась от них.

Лена (сестра рассказчицы) предполагает, что золотая рыбка не ест гуппи, а играет с ними. Женя соглашается:

«Но возражать я не стала, иначе пришлось бы признать золотую рыбку опасной и изъять её из аквариума.

— Наверное, играет, — согласилась я, вступив в сделку со своей совестью. Нехорошо было оставлять гуппи с золотой рыбкой, которая на них охотилась, но с ней аквариум стал гораздо интереснее».

Это согласие становится катализатором для развития внутреннего конфликта.

То, что раньше противопоставлялось — рыбы и люди — сближается. Это сближение чувствуется уже в самом противопоставлении, поскольку наличие параллели предполагает, что по какой-то причине это возможно. Если есть различие, то должно быть и сходство, на фоне которого это различие становится видимым. И Женя находит общее: возникает параллель «рыбы — как люди». Женя перестаёт быть просто наблюдателем, она хочет спасти гуппи (и при этом не навредить золотой рыбке, девочка осторожно вылавливает её и переносит в кружку с водой).

Но золотая рыбка гибнет. Непонимание, почему так произошло вопреки желанию героини, раскаяние Жени в собственных действиях вызывает обратную параллель: «люди — как рыбы», что на уровне внутреннего конфликта считается как неумение тех и других выйти из конфликта, разрешить его. Можно отметить, что даже на этом этапе внутренний конфликт остаётся внутренним во всех смыслах: он не просто в тексте скрыт под внешним — девочке не приходит в голову озвучить его, обратиться пусть

не за помощью, но хотя бы с вопросом к родителям. Чуть дальше автор чётко показывает, почему.

И напрашивается третья параллель. Если раньше было «рыбки — как люди», потом «люди — как рыбки», то теперь — «люди — как люди»: у каждого могут быть внутренние конфликты, для выхода из которых ему требуется помощь.

Мама задаёт Жене прямой вопрос:

«— Что с тобой? — спросила мама.

Слёзы текли по моим щекам и капали в чашку, а я не могла вымолвить ни слова. Мама потрогала мой лоб:

— Горячая.

Она дала мне градусник и укоризненно покачала головой.

— Без шапки вчера ходила, я видела. Вот и простудилась».

Здесь внутренний конфликт мог бы разрешиться, к этому есть предпосылки, но финал остаётся открытым. Автор даёт читателю возможность самому решить, почему так.

Получаем два рассказа в одном. Первый завязан на внешнем конфликте, он бодр и ярок, искрится иронией и смехом. У него есть завязка, развитие действия (с вроде бы необоснованным замедлением в середине), кульминация, развязка и — к финалу — спад действия. Внутренний построен на ощущении изолированности героев друг от друга, развивается неравномерно.

Внешний разрешается: гуппи спасены, родители понимают, что детям мало скучных серых рыбок и обещают мечехвостов. Но внутренний конфликт не завершён, он — в режиме кульминации или даже нарастания, только приближается к кульминации. И как героиня будет выходить из него — вопрос. Мама не склонна искать внутреннюю причину состояния дочери, дочь не может объяснить.

Антитеза внутреннего и внешнего проявляется через смену языка повествования: лексика, интонации, ритм, общее настроение.

Внешнее — история с покупкой аквариума — описывается в юмористических тонах, включая внешнее проявление — смех: воют, как приведения, успели немного подраться от скуки, соперничества за право

кормления рыбок, превращение очевидно тягостных занятий музыкой в эксперимент.

Несостоявшийся диалог мамы и дочек («А что, вы недовольны?..») подводит к сути внутреннего конфликта. Но пока это — только намёк. Диалог не состоялся, внутренний конфликт, выглянувший на поверхность, тут же уходит в глубину.

В текст возвращаются ирония, лёгкость и привычная картина жизни школьниц со стремлением скучное превратить через игру в интересное и забавное.

При приближении к кульминации внешнего конфликта тон становится нейтральным, далее — через лексику усиливается напряжение.

Автор с уважением относится к читателю: не раскладывает всё по полочкам, предполагает, что читатель за внешним сам увидит внутреннее. Сочетание того и другого даёт тексту объём, аналогичный жизненному опыту. При этом читателю, чтобы понять происходящее в рассказе, не нужно обладать какими-то специфическими знаниями и навыками, достаточно не спешить, доверять автору и дать ему шанс быть услышанным.